

Кришан Чандар

Материнская любовь

РАССКАЗ

Кришан Чандар (р. 1912) — выдающийся индийский писатель, один из представителей социалистического реализма в литературе Индии. Пишет на языке урду. Его перу принадлежит более 30 книг. Мировую известность К. Чандар завоевал как мастер короткого рассказа. Писатель принимает активное участие в движении сторонников мира в Индии.

БЫЛО около двух часов ночи, когда я вдруг открыл глаза. Тонкая пелена облаков скрывала луну. И я услышал — на соседней постели всхлипывает мать.

— Что ты, мама?! — испуганно спросил я.

— «Что ты, мама!» — с горьким упреком повторила мать, продолжая всхлипывать. — Стыда у вас нет, ни у отца, ни у сына, вот что! Вырос таким большим, а бога не боишься...

— Да в чем дело в конце концов? — прервал я ее. — Что за плач среди ночи?

Стояло лето. Все мы, кроме отца, спали на веранде. Здоровье его было неважным, он даже летом боялся простудиться и поэтому круглый год спал внутри дома. Но вот проснулся и он. Слышно было, как затрещала под ним кровать, когда он поворачивался к окну, чтобы спросить:

— В чем дело, Вахид? Отчего плачет мать?

— Откуда я знаю, папа! Плачет, и все. Всхлипывания матери усилились.

— О чем только вы думаете! — сказала она. — Бог знает, в каком положении сейчас мой мальчик, мой маленький Махмуд, а вы здесь сладко спите. У него там нет никого — ни матери, ни брата, ни сестры, а вы тут похрапываете в уюте, словно вам и думать не о чем... Я только что видела моего маленького Махмуда во сне. Будто лежит он на грязной-прегрязной кровати и мечется в лихорадке. Тело его горячо, как уголь, и он стонет: «Мама!.. мама!..»

Мать разрыдалась.

Мамин «маленький Махмуд», мой старший брат, учился в Лахоре, готовясь держать экзаме́н на степень бакалавра искусств. Он был на третьем курсе. Я уже успел сдать годовые экзамены и в мае вернулся домой, а он еще должен был оставаться в раскаленном Лахоре. И вот прошел июнь, а Махмуда все нет как нет. Мать очень тревожилась. Сказать по правде, все мы были озабочены. Третьего дня мы послали ему телеграмму, а вчера, по-

сле долгого перерыва в переписке, от Махмуда пришло письмо, очень короткое. Он писал: «Я болен. Малярия. Но уже прошла. Несколько дней здесь идут сильные дожди. Если так у нас, в Лахоре, то что же творится в Исламабаде? Можно ли сейчас проехать в Кашмир? Поскорей напишите, какую дорогу мне выбрать — на Джамму — Банихал-Род или на Кохала-Ури? Какой путь исправен?»

Подумав, мы послали вторую телеграмму. Хотя действительно шли сильные дожди и обе дороги развезло, все же путь на Кохала-Ури был сравнительно надежнее, чем на Банихал-Род. Так мы ему и посоветовали.

Но сейчас, за полночь, началась новая напасть... Сон отца был нарушен. Он сердито сказал:

— Что с ним станется? Ты подымаешь переполох, словно у тебя пожар. Махмуд — не малое дитя. О чем ты беспокоишься? Дети тысяч матерей учатся в Лахоре, живут в общежитиях и благополучно возвращаются домой. Приедет и он. Если утром он выехал из Лахора, то к вечеру должен быть уже в Равалпинди. Завтра Кохала, и...

Мать перебила его:

— «И!.. и!» Что ты говоришь? Если, не дай бог, его лихорадка возобновится, что будет тогда?..

Голос матери осекся. Вытерев глаза, она только добавила:

— Закажите мне машину, я сейчас поеду в Лахор!

— Ну что с тобой спорить — спать нужно! — сказал отец.

Слышно было, как он перевернулся на другой бок с очевидным намерением заснуть. Сочтя это разумным, закрыл глаза и я. Но ухо мое продолжало улавливать тихие всхлипывания мамы.

Я размышлял, лежа с закрытыми глазами. Что за сердце у матери, и как удивительна ее любовь! Сердце матери, любовь матери — со-

вершенно особенные явления в нашем мире. Может быть, это такая же иллюзия, такой же плод воображения, как и другие наши фантазии? Говорят, основа этой любви — животная. Сын — часть материнской плоти, только поэтому она его так любит. Правы ли некоторые философы, считая, что все мы наглухо разобщены в этом мире, живем каждый сам для себя?.. Ни у кого нет спутника. Считая кого-то близким, мы в действительности совершенно чужие, неспособные друг друга понять... Вот, например, я — брат Махмуда. В моих жилах течет та же кровь, что и у него. Мы оба любим друг друга и за двадцать лет нашей жизни расставались лишь на короткое время. Но ведь я же не волнуюсь так, как мать? Что же, выходит, — мы подобны каменным глыбам или египетским пирамидам, одиноким и безжизненным?..

Будда сказал, что этот мир — обман, иллюзия. Может быть, но что-то не верится. Откуда возникает это прекрасное чувство — материнская любовь? И разве любовь матери, плачущей хотя бы в одном из уголков земного шара, разве это обман? Иллюзия? Если жаждешь истины — не поверишь...

— Махмуд. Мой маленький Махмуд... Крошка моя!..

Тихонько всхлипывая, мама причитала и все произносила имя брата. Какая старая, знакомая история! Мой уважаемый братец, наверно, все еще в Лахоре и, конечно, развлекается пирушками, ходит в кино. Или где-нибудь на остановке по дороге в Кашмир сладко спит и видит увлекательные сны. Вероятно, и малярии-то у него никакой не было — знаю я все эти выдумки брата! Знает и мама, и все-таки плачет. Да, в конце концов, материнская любовь... — все же это одухотворенное чувство. Все-таки в этом большом мире мы не одни. Все-таки мы не бесчувственны, подобно камням.

Мне вспомнился рассказ Мопассана, в котором он так горестно описал одиночество. Несчастный Мопассан! Подобно лишенным любви философам, он так и не постиг истинного смысла многих им же самим рассказанных историй любви. Коварство мира направило его мысль по ложному пути. Он писал: «Женщины — это вино; красота — это ложь. Мы совершенно не знаем друг друга. Муж и жена, живя годами в любовном союзе, остаются чужими. Два друга встречаются, но каждый раз в новой форме. Мы все больше отходим друг от друга. Человеческая любовь — только обман... И когда я смотрю на женщину, я вижу кругом только смерть».

Открыв глаза, я посмотрел на маму. Она уснула среди всхлипываний. Щеки ее были мокры, и в уголках прикрытых век блестели слезы. Разве мама — это смерть? И разве материнская любовь действительно так страшна? Вероятно, Мопассан ошибался. Вероятно, записывая эти строки, он забыл о своей любящей матери, забыл ее милые колыбельные песни, ее ласковые шлепки, когда он, еще малышом, пищал, прижимаясь к ее груди. Человеческая любовь — только обман?.. Вероятно, он при этом не вспомнил поцелуя своей матери, когда она обняла его, уже взрослого, погладила его большую голову. Забыл, как тревожилась мать после его отъезда из города, как по вечерам все смотрела на дорогу, поджидая его... Как каждую его ошибку называла простительным детским промахом и даже каждый его проступок считала добрым делом... Нет, в этом мире мы не одни... С нами всегда мать. То одиночество, на которое сетует Мопассан, те страхи, которые нас преследуют в гуле и сутолоке жизни, мгновенно исчезают в объятиях матери. В материнской любви заключено такое обаяние и сладость, что в ней гибнут одинокие страхи.

Нет, мы не одни в этом мире. С нами — наша мать. Поистине это так... Но...

Гу-гу... Гу-гу! Гу-гу!.. Кукареку! Кукареку! Петухи, голуби, певчие птицы уже приветствовали невесту утра — зарю. Этот птичий гомон, прогнав остатки сна, заставил меня встрепенуться. Вскочив, я сел, свесил ноги с кровати и начал протирать глаза.

— Вахид! Вставай, сынок, — Махмуд приехал!

Открыв глаза, я глянул — верно! Мать присела на скамеечку около розового куста, а Махмуд склонился к ее ногам¹. Я бросился к ним. Мы с братом обнялись.

— Где ты пропадал столько времени? — спросил я.

Махмуд озорно посмотрел на меня и подмигнул. Потом, нагнувшись, стал внимательно разглядывать ярко-красные розы.

— Почти неделю шли проливные дожди. Дорога была закрыта.

Крепко сжав мою руку своею, он начал сильно раскачивать ее.

Мать чистила овощи и смотрела на нас обоих. В ее глазах сияли два океана слез, но в этих океанах плясали веселые светлячки счастья.

¹ Приветствие, с которым младшие обращаются к старшим родственникам.